

На правах рукописи

ПАНКОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА

**РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ М.М. БАХТИНА В КУЛЬТУРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ ФРАНЦИИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

САРАНСК 2005

Работа выполнена на кафедре дизайна и рекламы ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

Научный руководитель:

доктор философских наук
профессор **И.Л.Сиротина**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
профессор **О.Е.Осовский**

кандидат философских наук
доцент **М.Н.Тутаева**

Ведущая организация:

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Защита состоится 26 января 2005 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.10 по защите диссертаций на соискание степени доктора культурологии при Мордовском государственном университете им. Н.П.Огарева по адресу: 430000, г Саранск. пр. Ленина, 15, аудитория 301

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им.М.М.Бахтина Мордовского государственного университета им.Н.П.Огарева.

Автореферат разослан 24 декабря 2004 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук
профессор

М.В. Логинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Среди фигур, чьи идеи и концепции оказали самое серьезное воздействие на интеллектуальную мысль XX столетия, одно из важнейших мест принадлежит **Михаилу Михайловичу Бахтину (1895-1975)** – мыслителю мирового масштаба, научное наследие которого продолжает вызывать интерес у отечественных и зарубежных исследователей в самых различных областях гуманитарных мысли – философии, филологии, культурологии, психологии. В сегодняшнем развитии всех этих наук принципиальная роль наследия Бахтина несомненна.

Научное творчество Бахтина, благодаря своему универсальному, общеметодологическому характеру, выходит за пределы сугубо литературоведческой проблематики; «конкретные идеи Бахтина в различных отраслях гуманитарного знания уже оказали и продолжают оказывать влияние на соответствующие дисциплины»¹. Среди этих дисциплин культурология является той конкретной наукой, в которую Бахтин внес значительнейший вклад.

Современная гуманитаристика Запада в течение трех десятилетий (с 1960-х до середины 1990-х гг.) интенсивно осваивала, анализировала и развивала в своей практике идеи русского мыслителя. В пространстве разнообразных культурфилософских направлений указанного периода на Западе и в западном культурологическом сознании в целом М.М. Бахтин занимает вполне определенное место, и более того, его творчество способствует глубокому изменению общей картины научных изысканий.

Впервые Бахтин был открыт и представлен западному читателю Юлией Кристевой во Франции, где он исследовался прежде всего как структуралист-семиотик, философ и культуролог.

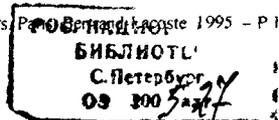
К настоящему времени российскими и зарубежными бахтиноведами создан огромный массив текстов, посвященных тем или иным аспектам творческого наследия мыслителя, интерпретации его идей. Написаны сотни статей, монографий, сборников, рецензий. в США вышла научная биография ученого (К. Кларк и М. Холквист), в Канаде издавался специальный англо-франкоязычный бахтинский журнал «Le Bulletin Bakhtine/The Bakhtin Newsletter». неоднократно проводились международные конференции.

Однако, несмотря на большое количество публикаций, посвященных вопросам рецепции научной концепции Бахтина, ни в одной из работ отечественного и зарубежного обществознания не дается полный анализ восприятия или интерпретации бахтинского творчества и его научной концепции во французской гуманитаристике. Более того, специфика интерпретации Бахтина во Франции требует особого освещения «рецептивного пространства»², в котором осмысливалось бахтинское наследие.

Таким образом, **актуальность** данного исследования определяется необходимостью решения проблемы восприятия и развития научной концепции М.М. Бахтина во французской культурологической литературе для более пол-

¹ М.М. Бахтин как философ. М. Наука. 1992. - С. 3

² Pevard J. Mikhail Bakhtine. Dialogisme et analyse du discours. Париж, 1995. - P. 13

ного и максимально адекватного представления общей картины отражения идей русского мыслителя в гуманитарном мышлении Запада.

Степень научной разработанности проблемы

Создаваемая в 1960-1990-х гг. общими усилиями исследователей-гуманитариев бахтинистика, при всей значительности и многогранности научных достижений, практически не имеет работ, посвященных непосредственно исследованию рецепции бахтинского наследия во Франции, что, на наш взгляд, связано, в первую очередь, с «недоступностью» французской «бахтиняны» российским ученым – принципиально значимые работы Ю.Кристева и Цв. Тодорова переведены и изданы фрагментарно. В некоторой степени их касаются в своих публикациях В.Л. Махлин и О.Е.Осовский³.

Среди зарубежных работ можно выделить статью канадского бахтиноведа К.Томсона «Бахтин во Франции и Квебеке»⁴, вышедшую первоначально на английском языке, а затем - в русском переводе. В статье автор, в частности, предпринимает попытку осмысления «непопулярности» исследования бахтинского наследия во Франции по сравнению с другими странами, делает подробный обзор работ 1970-1980-х гг., созданных под влиянием Бахтина

Первой и одной из самых значимых фигур во французском бахтиноведении является Юлия Кристева. Благодаря ее работам «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967) и «Разрушение поэтики» (1970) западное гуманитарное сообщество открыло русского мыслителя. Спустя тридцать лет после выхода первой статьи исследовательница в интервью журналам «Диалог. Карнавал Хронотоп» и «RS/SI (Recherches semiotiques/Semiotic Inquiry)» подчеркивает, что есть два бахтинских наследия: с одной стороны, культурологическое и семиологическое, с другой, в более узком смысле – литературоведческое, строящееся вокруг понятия диалогизма и ее (Кристева) варианта этого понятия – интертекстуальности⁵.

В первой работе по интерпретации бахтинских идей Кристева сочла необходимым сделать ссылку на психоанализ, что позволило, по ее мнению, углубить тему «другого». Позже она признается в преднамеренном «рабочем» искажении своего восприятия Бахтина, в том, что как бы повернула «егельянское» Бахтина и сделала из него Бахтина «фрейдистского»⁶.

Проблемы восприятия Бахтина во Франции затрагивались в сборнике «Наследие Бахтина» («l'héritage de Bakhtine», 1997), содержащем материалы конференции в честь 100-летней годовщины со дня рождения М.М. Бахтина

³ См. Махлин В.Л. Наследие М.М. Бахтина в современном зарубежном литературоведении // Изв. АН ССР Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 4. С. 316-324. Осовский О.И. Научное наследие М.М. Бахтина и гуманитарная мысль Запада сегодня. М., 1991. Осовский О.Ф. Рецепция научного наследия М.М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х-первой половины 1990-х годов. Саранск, 2003.

⁴ См. Thomson C. Bakhtin in France and Quebec // Bakhtin Newsletter/Le Bulletin Bakhtine. N5. 1996. - P. 67-87. Томсон К. Бахтин во Франции и Квебеке // М.М. Бахтин. PRO ET CONTRA. Т.2. СПб., РХГИ, 2007. С. 383-399.

⁵ См. Беседа с Юлией Кристевой // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. №2. - С. 5-18. Диалогизм карнавальность и психоанализ. Беседа К. Томсона с Ю. Кристевой о рецепции работ Михаила Бахтина во Франции // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2002. №1. - С. 108-133.

⁶ См. подробнее Беседа с Юлией Кристевой // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. №2. С. 5-18. Панкова Н. Бахтин глазами Кристевой. 30 лет спустя // Филологические заметки. 2000. Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск. Изд-во Мордов. гос. пед. ин-та. 2001. - С. 8-12.

(1995), в предисловии к которому его составитель К. Депретто отмечает, что «тема восприятия Бахтина во Франции несет сильный отпечаток условий его второго открытия» и «нуждается в некоторых коррективах» (перевод наш – НП)⁷.

Размышления о рецепции Бахтина во Франции появляются также в книге Ж. Пейтара «М.Бахтин: Диалогизм и анализ дискурса» (1995). Автор говорит об основополагающей роли Ю. Кристевой и о том “рецептивном пространстве”, которое создавалось с начала 1960-х гг. вследствие дискуссий, разворачивающихся в лингвистике, психоанализе, философии, антропологии, и подготовило благодатную почву для восприятия бахтинских работ во Франции. Пейтар представляет также краткий обзор исследований, которые появились в 1970-е гг. как реакция на кристевские выступления (Г. Верре, А.Мешонник, М. Окутюрье, К. Фриу, Р. Якобсон).

Обзор идей Бахтина и интерпретации их во Франции представлен во вводной главе исследования Ю. Пухлий «Элемент карнавализации во франкоязычном магрибском романе («Неджма» Катеба Ясина и «Агадир» Мохаммеда Каир-Эддина сквозь призму бахтинской теории карнавала)»⁸, содержащей идеи по изучению наследия М.М. Бахтина во Франции, анализ статей Ю. Кристевой и освещение полемики, развернувшейся в ответ на кристевские выступления (работы К. Геньбэ, Ле Клезю и К. Фриу). Лучшим же французским «введением в Бахтина» Пухлий, равно как и Ж. Пейтар, считает монографию Цв. Тодорова «Диалогический принцип», а самого Тодорова – единственным французским критиком, предложившим систематическую интерпретацию наследия русского мыслителя

Сходную точку зрения по поводу монографии Тодорова и ее значения высказывает и российский литературовед А.А. Горных в рецензии «Бахтин и постструктуралистский поворот»⁹. По его мнению, «в ней впервые в систематической форме представлены идеи Бахтина, отлившиеся на французской почве в концепции интертекстуальности (транстекстуальности)»¹⁰. И главное – «эта публикация подвела своеобразную черту под процессами перехода к «постформалистической» парадигме гуманитарных наук во Франции, процессами, в которые был непосредственно вовлечен и сам Тодоров»¹¹.

Из англоязычных рецензий на книгу Тодорова следует отметить рецензию К. Эмерсон, содержащую критику понимания, вернее, непонимания французским исследователем бахтинской теории романа¹².

Интересующей нас тематике посвящены также некоторые статьи четырех выпусков «Бахтинского сборника» (1990, 1991, 1997, 2000)¹³ и издания

⁷ *L heritage de Bakhtine* Bordeaux. Presses universitaires de Bordeaux 1997 - P 11

⁸ Poukhli J. L'element carnavalesque dans le roman maghrebin de langue française (*Nedjma* de Kateb Jacine et *Agadir* de Mohammed Khair-Eddine a travers la theorie du carnaval de Mikhaïl Bakhtine) 2001

⁹ См Горных А.А. Бахтин и постструктуралистский поворот //Диалог. Карнавал. Хронотоп 1997 - № 2 - С 176-190

¹⁰ Горных А.А. указ соч - С 176

¹¹ Там же

¹² См Emerson C. Rec ad op Todorov T. The dialogical principle. Minneapolis 1986 / Comparative literature 1986 Vol 38 № 4 P 370 – 372

«М.М. Бахтин в зеркале критики» (1995), особо примечательного обзором тенденций развития западной бахтинистики, предпринятым В.Л.Махлиным, а также библиографией российских и иноязычных исследований о Бахтине¹⁴.

Таким образом, французское бахтиноведение XX в. все еще остается малоизвестным для отечественной культурфилософии, труды французских исследователей не только не интерпретировались во всей полноте, но зачастую и не переведены целиком на русский язык.

Целью работы является определение основополагающих тенденций в восприятии и развитии научной концепции М.М. Бахтина во французской науке о культуре второй половине XX века.

Поставленная цель определила **задачи** диссертационного исследования:

- проследить процесс восприятия научного наследия М.М. Бахтина французской гуманитарной мыслью от 1960-х гг. к 1990-м гг. и выявить основные тенденции этого процесса;
- обозначить место М.М. Бахтина в культурном контексте Франции посредством анализа теоретических изысканий представителей гуманитарного знания,
- показать роль научной концепции М.М.Бахтина в процессе развития литературно-критического и культурологического сознания Франции;
- выявить наиболее репрезентативные фигуры французского интеллектуального сообщества второй половины XX в., творчество которых развивалось под воздействием бахтинских идей;
- вывести типологию взглядов французских мыслителей на теоретические построения М.М. Бахтина.

Теоретико-методологические основы исследования

В исследовательской части работа опирается на традиционные установки и концепции теоретической культурологии. В работе также применяются принципы текстуального анализа, редукции, концепции диалогичности и хронотопа М.М. Бахтина. Методологические ориентации работы сформированы также на основании трудов в специальных областях знания эстетике, литературоведении, лингвистике, смежных исследованиях в области социальной философии, психологии, социологии

В исследовании рецепции научной концепции М.М. Бахтина во французской гуманитаристике использованы следующие **методы**:

- *аксиологический* для выявления ценностных доминант французских культурных исследований,
- *сравнительно-исторический* в анализе развития культурфилософской мысли второй половины XX в. во Франции;
- *интегративный* в изучении закономерностей влияния философии и художественной литературы, а также позволяющий применить знания, полученные раз-

См. Бахтинский сборник Вып 1 М Прометей 1990 – 130 с. Бахтинский сборник Вып 2 М 1991 403 с. Бахтинский сборник Вып 3 М «Лабиринт» 1997 – 400 с. Бахтинский сборник Вып 4 Саранск Мордов гос пед ин-т - 2000 - 153 с

¹⁴ См. Бахтин в зеркале критики М 1995 С 32-54 114-189

личными науками при решении задач, поставленных в настоящем исследовании;

- *историко-функциональный* при анализе работ французских исследователей научного наследия М.М. Бахтина и его собственных трудов;

- *метод интерпретации*, дающий возможность реконструировать идеи Бахтина в концепциях мыслителей Франции второй половины XX в.

Использованные в диссертации источники можно разделить на несколько блоков.

Это, во-первых, произведения самого М. М. Бахтина.

Во-вторых, наследие крупнейших отечественных мыслителей, в трудах которых рассматриваются исторический, теоретический и социокультурный аспекты затронутых в диссертации вопросов: А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачева, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, Ю.Н. Тынянова и др.

В-третьих, труды философов и литературоведов, освещающие проблемы методологии критических направлений, доминирующих во Франции 1960-х-90-х гг.: Н.С. Автономовой, В. Борева, И.П. Ильина, Г.К. Косикова, Н.Ф.Ржевской; Р. Барта, А.Ж. Греймаса, Ж. Деррида, Ж. Лакана, М. Фуко, Р.Якобсона.

В-четвертых, работы российских и зарубежных исследователей, посвященные вопросам рецепции бахтинских идей на Западе: Е. Дьяконовой, С. Козлова, В.Л. Махлина, О.Е. Осовского, М. Гардинера, Гинзбург, Д.К.Данов, М.В. Джоунса, Б. Жилко, К. Кларк, Ю. Кристевой, Кувано, Мартинес, М. де Микьель, А. Михайловича, Г. С. Морсона, С. Оливье, Петрилли, Цв.Тодорова, К. Томсона, Э. Уолла, М. Холквиста, К. Эмерсон, Г.-Р.Яусса и др.

В-пятых, многочисленные монографии, сборники, специальные выпуски журналов, а также отдельные статьи, обзоры, рецензии, имеющие отношение к различным аспектам научного наследия Бахтина. авторов: С.С. Аверинцева, В.С. Библиера, Н.К. Бонецкой, С.Г. Бочарова, Е.В. Волковой, Б. М.Гаспарова, М.Л. Гаспарова, Л.А. Гоготишвили, Ю.Н. Давыдова, Вяч.Вс.Иванова, С.С.Конкина и Л.С. Конкиной, В.Н. Турбина, И.О. Шайтанова и др.

В-шестых, разнообразная справочная литература.

Объектом исследования, таким образом, становится процесс восприятия, осмысления, использования и практического развития идей М.М.Бахтина во французской гуманитаристике.

Предметом исследования является отношение к теоретическим построениям М.М. Бахтина различных течений культурологии Франции второй половины XX в.

Научная новизна исследования определяется самим обращением к теоретическим идеям французских исследователей творчества М.М. Бахтина, которые впервые сопоставляются с представлениями о научном наследии мыслителя в отечественной традиции. Подобный аспект исследования позволяет получить полное представление о процессе освоения теоретических построений Бахтина французской гуманитаристикой второй половины XX в. и вывести их типологию. Таким образом, научная новизна заключается в следующем:

1. Выявлены основные тенденции процесса восприятия научного наследия М.М. Бахтина в культурно-философской практике Франции второй половины XX в. Описаны варианты интерпретации французскими исследователями теоретических построений М.М. Бахтина.

2. Доказано, что в своем осмыслении основных концептов М.М. Бахтина французские исследователи не дошли до адекватной интерпретации его идей, но использовали их для обоснования собственных теорий.

3. Обоснованы место и роль основных исследователей М.М. Бахтина французской культурологической школы в процессе освоения наследия мыслителя Западной гуманитаристики.

4. Создана типология интерпретации научных взглядов М.М. Бахтина во французской культурологии второй половины XX века от структурализма 1960-х гг. до деконструктивизма 1990-х гг.

5. Переведены на русский язык и введены в отечественный научный оборот некоторые работы французских исследователей М.М. Бахтина.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обращение к теоретическому наследию М.М. Бахтина во Франции, начавшись в кругу литературоведов, очень скоро трансформировалось в культурно-философскую рецепцию (даже в литературоведческой среде) и развивалось в рамках специализированных критических направлений (от структурализма до деконструктивизма).

2. В своих изысканиях французские исследователи не доходят до глубокой и достаточно адекватной интерпретации концептов М.М. Бахтина, ограничиваясь чаще всего использованием его идей и терминологии для обоснования собственных теоретических построений.

3. Процесс освоения научным наследием М.М. Бахтина французскими учеными второй половины XX в. включает в себя следующие этапы:

- вторая половина 1960-х – 1970-е гг. начало проявления интереса к идеям русского мыслителя (*диалог, карнавал, мещинья, полифония и др.*) в рамках структурализма (И. Бено, Ле Клезио, Ю.Кристева, К. Фриу и др.);
- конец 1970-х – 1980-е гг. – переход от интерпретации отдельных идей М.М. Бахтина к попыткам выстраивания бахтинской теории в виде целостной системы и «вписания» ее в контекст собственных, постструктуралистских изысканий (Ж. Делез и Ф. Гваттари, О. Дюкро, Ж.Отье-Ревю, Цв. Годоров и др.), и ослабление интереса к творчеству М.М. Бахтина к началу 1990-х гг.;
- середина 1990-х гг. – новый всплеск интереса к наследию М.М. Бахтина, появление новых, деконструктивистских, направлений в культурных исследованиях (Э. Бордас, К. Депретто, М.-Ф. Нотц, Ж. Пейтар, Д. Рабате и др.)

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы, основные выводы и положения могут быть использованы в преподавании курсов культурологии, истории философии, литературы и спецкурсов, посвященных углубленному изучению творчества М.М. Бахтина, истории и судьбам французской гуманитаристики.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования получили отражение в докладах, сделанных на XXXV Евсевьевских чтениях в Мордовском государственном педагогическом институте (1999), на Всероссийской научно-теоретической конференции «Глобальность развития и его детерминанты» (2004) и в ряде публикаций, перечисленных в конце автореферата.

Цели и задачи исследования определили структуру диссертации: она состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего 231 наименование, и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень научной разработанности проблемы восприятия идей М.М. Бахтина во французской науке, формируются цель и задачи работы, ее методологические основания, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Французский структурализм 1960-1970-х гг. и первые попытки осмысления идей М.М. Бахтина» включает в себя два параграфа.

Первый - «Ю. Кристева как первый интерпретатор бахтинских идей во французской гуманитаристике».

Традиционно считаясь «первооткрывателем» Бахтина для западного интеллектуального сообщества, Ю. Кристева осмыслила бахтинские теории в работах «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967) и «Разрушение поэтики» (1970). Начало изучения Кристевой бахтинских работ относится к моменту ее переезда во Францию (конец 1965 г.) и совпадает с периодом ее активного участия в группе «Тель Кель» - небольшом коллективе литераторов во главе с Ф. Соллерсом, издававших журнал под тем же названием. С этой группой была тесно связана судьба Ю. Кристевой, потому автор диссертации считал необходимым охарактеризовать ее деятельность.

Журнал «Тель Кель» (в перев. с фр. «Такой, какой есть»), поначалу заявивший о себе как о чисто литературном, претерпел заметную эволюцию своих теоретических и эстетических позиций. Огромное воздействие на выработку его теоретической платформы оказало обращение к семиотике и структурной лингвистике. Наука становится единственным авторитетом группы, научность – единственным критерием. Сциентистский, структуралистский период, длившийся недолго, сменился философским. Философская борьба становится для группы ключевым моментом, а литература рассматривается как производное философии. Этим объясняется тот факт, что от изучения специфики литературы «гелькелисты» пришли к открытому ее отрицанию и сменили собственное увлечение работами русских формалистов резкой их критикой.

По прибытии во Францию Ю. Кристева сразу же вошла в группу социологии и семиологии *Высшей Школы Общественных Наук*, увлеченную русским формализмом. В 1966 г. она делает в рамках семинара Р. Барта доклад о Бахтине, превратившийся затем в знаменитую статью «Бахтин, слово, диалог и роман», остающуюся наиболее авторитетной и интересной интерпретацией бах-

тинской концепции с точки зрения структуралистской поэтики. В этой работе, а также в «Разрушении поэтики» (предисловии к “Проблемам поэтики Достоевского”), Кристева интерпретирует ключевые положения бахтинской концепции исключительно в соответствии со структуралистскими установками, в результате чего прочтение диалогизма Бахтина привело Кристеву к разработке собственной теории «интертекстуальности», определяющей письмо как по субъективному, так и по коммуникативному принципу, где «каждый читает другого».

Интертекстуальность, таким образом, есть способ объяснения роли литературных и экстра-литературных материалов без обращения к традиционному понятию авторства. К примеру, поэтика не имеет ключа к интертексту: она способна описать либо его инвариантную формально-логическую структуру, либо его «плоскую поверхность», образованную единством авторского задания. В соответствии с понятием «интертекстуальность» любой текст рассматривается как результат бесконечного диалога с другими текстами, являясь составной частью всеобщего «культурного текста», то есть суммы всех печатных текстов, образующих культурное наследие «западной цивилизации»: «Любой текст строится как мозаика цитаций»¹⁵.

Из всего вышесказанного диссертант делает вывод, что важную для Бахтина идею диалога и диалогизма Кристева сводит лишь к «интертекстовой» характеристике и предпочитает воспринимать и использовать ее в качестве «принципа ниспровержения и развенчивающей продуктивности»¹⁶, ее выводы, антибахтинские по сути и по форме выражения, профанируют идею мыслителя о “незавершенности” диалога, но оказываются чрезвычайно продуктивным для ее дальнейшей структуралистской интерпретации литературы и семиотики.

Осмыслению Кристевой таких бахтинских понятий как карнавал, мениппея и роман посвящен второй параграф «М.М. Бахтин – Ю.Кристева: «диалогические дискурсы». Для Кристевой *карнавал* является отпечатком такой космогонии, которая не знает ни субстанции, ни причинности, ни тождества. Глубоко антитеологичный. карнавал весь состоит из разрывов, соотношений, аналогий, не исключающих оппозиций. Показательно, что Кристева практически переосмысливает бахтинское понимание карнавала, полагая, что “карнавал знаменует собою смерть индивида”: поскольку всякий “участник карнавала – исполнитель и зритель одновременно, он «утрачивает личностное самосознание», предстает и как «я» и как «другой», «как человек и как маска». Если последний тезис соотносится с бахтинским “явлением” человека в карнавале, то тезис, относительно «утраты личностью самосознания» вовсе не вытекает из бахтинских рассуждений.

Осмыслив амбивалентность карнавала, исследовательница, тем не менее, не принимает амбивалентность карнавального смеха: по ее мнению, в карнавале равно присутствуют как комическое, так и трагическое начала, вследствие чего карнавальная смех замирает, обнаруживая трагическую сторону карнавала “смертоносную”, “циническую”, “революционную”.

¹⁵ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4 - С. 6

¹⁶ Там же С. 12

Аналогичному переосмыслению подвергает Кристева и бахтинскую «мениппею». В кристевской интерпретации мениппея “не знает катарсиса”, не проводит границы между онтологией и космологией, совмещает в себе трагическое и комическое, “разлагает веру в принцип тождества”, строится на столкновении репрезентации и ее трансгрессии, “не ведает никакого закона и не знает никакой иерархии”, профанирует все высокое и священное и в силу этого, подобно карнавалу, оказывается “празднеством жестокости” и “вечной радости становления”, истаивающей в сиюминутном поступке”¹⁷. Такое понимание мениппеи сильно отличается от собственно бахтинского.

Наконец, размышляя над *полифоническим романом* (исследовательница имеет в виду следующих авторов: Рабле, Сервантес, Свифт, Сад, Лотреамон, Джойс, Кафка, Батай), Кристева констатирует, что он резко противостоит роману монологическому (Л. Толстой). «Впитавший в себя мениппею», он «вплощает усилия европейской мысли, стремящейся выйти за пределы самотождественных, каузально детерминированных субстанций, обратиться к иному способу мышления – диалогическому»¹⁸. Отвергая всеохватывающую точку зрения автора-эпика и заменяя ее множеством релятивных социально-языковых инстанций, такой роман освобождает единичное от власти общего, тем самым уничтожая иерархию, авторитет и закон, замещая каузальную логику логикой реляционно-аналогической, а парадигматический принцип подобия – синтагматическим принципом смежности. Всякое высказывание соотносится не с центром, а лишь с другими высказываниями, и в этом взаимном освещении множества автономных точек зрения, без конца оспаривающих друг друга, и заключена «истина» полифонического романа. Слишком узко понимая «*полифонический роман*», она определяет его лишь как роман, «включивший в себя карнавальную структуру».

Размышляя о полифонии Достоевского в интерпретации Бахтина, Кристева связывает изыскания ученого с металингвистикой, отождествляет диалогизм с концепцией «означающего» Ж. Лакана и полагает, что Бахтин в книге о Достоевском «стремится к пониманию субъекта не как психологической, а как речевой инстанции; он разыскивает «я», говорящее в романе, но делает это лишь затем, чтобы констатировать его *отсутствие*»¹⁹, искажая, таким образом, бахтинскую концепцию полифонического романа Достоевского.

Несмотря на всю спорность кристевской интерпретации, исследовательница в ряде случаев остается вполне адекватной в отношении несомненной значимости бахтинских достижений. Ее интерпретация карнавальная традиции и мениппеи проникнута интуицией. Ее пассажи, касающиеся влияния Достоевского на французских писателей или применение бахтинских теорий к таким мастерам западноевропейской прозы, как Джойс, Кафка, Арто или Батай представляют, несомненно, исследовательский интерес. Однако изначальный импульс Кристевой, который толкает ее любой ценой “привязать” русского мыслителя к течению «Новая критика», создает впечатление неоправданного «зло-

¹⁷ Там же С. 18-20

¹⁸ Там же С. 20

¹⁹ Кристева Ю. Разрушение поэтики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1994. - №5. - С. 51

употребления» бахтинской теорией и терминологией. Вместо того, чтобы объяснить идеи Бахтина внутри его собственной системы, она навязывает ему ориентиры параллельных и даже чуждых ему миров, таких как русский формализм или западные структуралистские изыскания.

Идеи Кристевой получили широкий резонанс во французском гуманитарном сообществе и были развернуты в ряде коротких рецензий на «Поэтику Достоевского» и книгу о Рабле (И. Бено, С. Габэ, Дезанги, К. Жанну, Ле Клезио, К. Фриу), опубликованных в начале 1970-х гг. В основном в этих статьях копируются суть и тон кристевского предисловия. Однако в некоторых из них намечился отход от традиций, намеченных Кристевой (Ле Клезио, А. Мешонник, К. Фриу).

Так, статья Ле Клезио «Карнавальная революция» (1971) представляет собой реакцию исследователя, занимающего нейтральную позицию относительно развернувшейся «бахтинско-кристевской» полемики. В ней автор говорит о Бахтине-«этнологе», который «заставляет измерить ту пропасть, который отделяет наш мир от мира Рабле» (здесь и далее перевод наш – *Н.П.*); о Бахтине -- лингвисте, который «точно воспроизводит словесный мир XVI века», о Бахтине-революционере в области литературы, идеи которого выявляют «крах реализма», карнавальное основание навязчивых идей современного мира.²⁰

И. Бено в своей рецензии «Бахтинский “Рабле”, или Похвала смеху» (1972), опираясь на Бахтина, пытается выяснить, в чем заключается народная комическая культура, и полагает, что смех и все народно-смеховое является вторичным явлением, проявлением и утверждением одной сущностной потребности – потребности в Празднике. Автор обращает внимание на важнейшую бахтинскую мысль о свободе и фамильярности карнавала, уничтожении в его рамках любых рамок и запретов, догматизма, справедливо считая, что смех народного Праздника антидогматичен.

Проанализировав таким образом ряд источников, автор диссертации делает вывод, что рецепция и освоение идей М.М. Бахтина в период конца 1960-х–1970-х гг происходили в тот момент, когда структурализм считался единственным доминирующим течением, и в момент его кризиса и перерождения в постструктурализм. Принципиально значимо, что кристевская интерпретация бахтинского диалогизма как интертекстуальности получила признание и широкое распространение в критике: по сути, благодаря ей, французские исследователи, правда, в ином ключе, отличном от философско-культурологического бахтинского, начинают активно интересоваться той же проблемой, что и М.М. Бахтин – взаимодействием «своего» и «чужого» слова, проблемой карнавала и полифонии.

Анализу следующего этапа освоения бахтинского наследия посвящена вторая глава «Постструктуралистский контекст французского бахтиноведения 1970-1980-х гг.», которая также состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Бахтинская теория гуманитарного познания в оценках Цв. Тодорова» прослеживается процесс изучения бахтинского твор-

²⁰ Le Clézio La révolution carnavalesque // *Quinzaine littéraire*, 15 février 1971 - P 3-4

В первом параграфе «Бахтинская теория гуманитарного познания в оценках Цв. Тодорова» прослеживается процесс изучения бахтинского творчества Цв. Тодоровым, которому, наряду с Ю. Кристевой, принадлежит заслуга «введения» бахтинской теории, терминов и категорий в обиход французского интеллектуального сообщества. В 1965 г. он перевел и издал антологию текстов русских формалистов, а в 1968 г. – создал свое программное эссе «Поэтика», в котором попытался разработать особую, самостоятельную науку о литературе, предметом которой должны были стать законы построения литературной формы вообще, а также выявить причины становления литературы как эстетического феномена. Однако, начав с этой задачи, ученый постепенно заменяет ее поисками универсальных законов организации речи и шире – символической деятельности человека.

«Приняв эстафету» французского бахтиноведения у Кристевой, Тодоров в конце 1970-х гг. публикует ряд статей, на основе которых была создана книга «Михаил Бахтин: диалогический принцип» (1981), своеобразный интеллектуальный роман, по словам самого Тодорова, «нечто среднее между антологией и комментарием»²¹.

Тодоров, стремясь представить достаточно цельную и максимально полную картину бахтинской мысли, интерпретирует важнейшие категории мыслителя, уделяет пристальное внимание работам «круга Бахтина», выделяя в них ряд наиболее значимых тематических линий: теория познания гуманитарных наук, теория высказывания, интертекстуальность, история литературы, философская антропология. В диссертации подробно рассматриваются выделенные темы, в первую очередь, интерпретация Тодоровым бахтинского понимания *специфики гуманитарного познания*, составленную им на основе работ Бахтина «Проблема текста» и «К методологии гуманитарных наук».

Французский исследователь указывает на аналогии, проводимые Бахтиным между естественно-научным и гуманитарным знанием, и на различие, которое более принципиально, нежели сходство. Различие между естественными и гуманитарными науками сосредоточено в двух пунктах: в *объекте* и в *методе*. Вполне адекватно трактуя бахтинскую позицию, Тодоров отмечает, что, по мнению Бахтина, гуманитарий познает свой «предмет», вступая с ним во взаимодействие. Таким образом, гуманитарное познание в существе оказывается диалогическим.

Различие в *методе* настолько велико, что Бахтин предпочитает по поводу гуманитарных наук говорить скорее о методе не познания, но *понимания*. В этом, считает Тодоров, он остается верным традиции, установленной Вебером, Дильтеем, Рикертом. Другим качественным отличием естественных и гуманитарных наук является *различный статус их объекта*. Объект естественных наук предполагает совпадение с самим собой, он самоидентичен. Научность же гуманитарного знания определяется не точностью, но «глубиной проникновения» в свой «объект», поскольку последний обладает способностью неограниченного самовыражения, а следовательно, несамотождествен.

²¹ Todorov T. Mikhaïl Bakhtine le principe dialogique. Suiivi des écrits du cercle de Bakhtine. P. Seuil 1981 P 12

Если тодоровская транскрипция бахтинского понимания специфики гуманитарного познания, теории высказывания, диалогических отношений высказывания (за исключением не вполне правомерного вывода относительно «неиндивидуальности» высказывания, по идее Бахтина), вполне адекватна, то при реконструкции им большого корпуса бахтинских понятий (*разноречие, разнотолковие, вненаходимость, вживание, избыток видения, диалогизм, жанр, хронотоп*), Тодоров активно полемизирует с мыслителем, зачастую ошибочно понимая суть некоторых категорий и терминов.

Аналізу этой реконструкции посвящен второй параграф «**Интерпретация Цв. Тодоровым основных теоретических построений М.М. Бахтина**»:

Диалогизм Тодоров, во многом под влиянием кристевской теории, сводит концепцию диалогизма лишь к отношению одного высказывания к другим. Он разделяет этот термин на две составляющие: «интертекстуальность» и «диалогика (диалогичность)», относя первый из них к области литературы, второй – лишь к частным проявлениям первого.

Проблема жанра. Жанры, как справедливо отмечает Тодоров, являлись для Бахтина ключевым понятием литературной истории поскольку, эта категория согласуется с методологическими принципами Бахтина - неразделимостью формы и содержания и преобладанием социального над индивидуальным. Ошибкой Тодорова было отождествление бахтинских категорий жанр/хронотоп. Эти термины не могут быть «двойниками» (как считает Тодоров), поскольку хронологические отношения интересовали Бахтина как одна из составляющих художественного текста как целого, тогда как жанр рассматривался мыслителем как некая зона «ценностного восприятия и изображения мира и форма словесного целого».

Размышляя над бахтинским пониманием *романного жанра*, Тодоров приходит к некоторым не лишенным основания выводам, справедливо полагая, что бахтинские идеи о романе (как категории поэтики) не всегда конкретны, ученый не оставил связанной теории романа, его подходы к этому жанру разнообразны на различных этапах творческого пути. Однако, Тодоров, в первую очередь, обращает внимание на разновидности романного жанра и подчеркивает отсутствие у Бахтина стремления к их систематизации, тогда как сам мыслитель, выстраивая «теорию романа», первостепенное значение придавал концепции романного слова и осмыслению стилистики романа

Наибольшую же ценность для Тодорова в рамках бахтинского наследия имеют *философская антропология*, - являющаяся «ключом всего творчества», ключом к пониманию всей диалогической концепции, - и относящаяся к ней понятие *другости*. Однако понятие «другого», реконструируется Тодоровым исключительно в связи с собственными постструктуралистскими представлениями и связывается с психоаналитической теорией Ж. Лакана. Пытаясь объяснить бахтинские понятия «вненаходимость», «вживание», «избыток видения», он требует, как и с бахтинской теорией романа, соединить описание с предписанием, т.е. остается в рамках собственно постструктуралистского подхода, намеченного во французском бахтиноведении Ю. Кристевой.

Работы Цв. Тодорова, посвященные рецепции творчества М.М. Бахтина («Поэтика», «Михаил Бахтин: диалогический принцип»), явились своеобразным итогом изучения концепции мыслителя в 1970-80-х гг. и одновременно – началом следующего этапа процесса восприятия научного наследия Бахтина во Франции, который анализируется в третьей главе «Многообразии подходов и интерпретаций научного наследия М.М. Бахтина французским гуманитарным сообществом 1980-1990-х гг.»

После выхода книги Тодорова в 1981 г. всплеск интереса к творчеству русского мыслителя несколько пошел на убыль, хотя и это десятилетие было отмечено появлением исследований ряда лингвистов, работающих в области прагматики, а также семиотиков, философов и др. (П. Бурдьё, Ж. Делез и Ф. Гваттари, О. Дюкро, Ф. Жак, Ж. Отье-Ревю, М. Пеше). Некоторые из них анализируются в первом параграфе «Рецепция основных бахтинских понятий в исследованиях французской семиотики, лингвистики, прагматики 1980-х гг.»

Статья Ж. Отье-Ревю, «Гетерогенность явная и гетерогенность конститутивная: элементы для одного подхода к проблеме другого в речи» (1982), оказавшая наибольшее влияние на все последующие исследования, является попыткой расширить программное заявление Кристевой о том, что находящиеся в «зачаточном состоянии» теории Бахтина необходимо развивать в направлении семиотики и психоанализа. Представляя собственную интерпретацию бахтинской идеи «диалогизма», отмечает, что бахтинская теория «другости» потенциально представляет огромный интерес для исследователей в области дискурсивного анализа, социолингвистики, теории высказывания и прагматики. Автор проводит параллели между трудами Бахтина и Лакана (оба, по ее мнению, представляют дискурс как полифонию; оба понимают субъект как нечто децентрализованное), т.е. пытается «вписать» бахтинские идеи в психоаналитические теории. как это пытались сделать ранее Кристева и др.

В то же время бахтинская мысль так влияет на методологическую позицию французских аналитиков проблемы дискурса, что иногда изменяются сами теории вместе с их понятийным аппаратом, примером чему может служить исследование О. Дюкро по «семиотической прагматике» «Слова и слово» (1984). Данная работа является наиболее тщательно разработанной попыткой приложения некоторых бахтинских принципов.

Дюкро развивает идеи бахтинских исследований, основываясь только на прочтении «Проблем поэтики Достоевского». Исследователь утверждает, что работа Бахтина актуальна для прагматики, в связи с широким использованием понятия «многоголосие», встречающегося в произведениях Достоевского. Поэтому особый интерес для нас представляет последняя глава книги Дюкро «Очерк полифонической теории высказывания», написанная под «знаком» Бахтина, цель которой – оспорить убеждение о единстве говорящего субъекта, долго царившее в литературной теории и подвергшееся открытому обсуждению лишь тогда, когда Бахтин разработал понятие полифонии. Дюкро развивает концепцию полифонии Бахтина, придавая ей весьма широкое толкование и применяет ее не только к отдельным текстам, но и к отдельному высказыва-

нию. В результате бахтинская идея «полифонии» позволяет Дюкро поставить под сомнение некоторые из основных постулатов, доминирующих в современных исследованиях по прагматике, - такие, как единство говорящего субъекта, а также понятие о том, что каждое высказывание имеет одного и только одного автора, - и прийти к выводу, что необходимо отказаться от идеи единого говорящего субъекта в пользу нового, «бахтинского» понимания высказывания.

В начале 1990-х гг. во Франции наблюдается очевидный спад исследовательского интереса к бахтинской концепции, что, очевидно, объясняется атмосферой западного общества, проникнутого философскими идеями постмодернизма.

Однако, к середине 1990-х гг., особенно в год 100-летия со дня рождения русского мыслителя появляется новая волна публикаций, не только в России, но и в других странах. Во Франции столетняя годовщина Бахтина была отмечена проведением конференции, посвященной исследованиям в области бахтинского наследия, по материалам которой К. Депретто подготовила к изданию сборник; а также выходом в свет монографии лингвиста, семиотика и литературоведа Жана Пейтара «Михаил Бахтин. Диалогизм и анализ дискурса». Основные положения этих двух изданий анализируются во втором параграфе «Осмысление Ж. Пейтаром и К.Депретто достижений и заблуждений современного французского бахтиноведения».

Исследование Пейтара «Михаил Бахтин и анализ дискурса» представляет собой попытку осмысления цельной бахтинской теории в контексте дискуссионных филологических работ (анализ дискурса, греймасовская семиотика, теория литературы), на которые бахтинские идеи оказали влияние раньше, чем на другие отрасли гуманитаристики. Кроме того, исследователь счел необходимым ввести бахтинскую научную теорию в контекст современных течений гуманитарного знания, а также обозначить связь между, с одной стороны, интеллектуальным климатом Парижа конца 1960-х гг. и с другой – «методологической эволюцией», ведущей к систематическому обращению к дискурсу и высказыванию. Судьба французского бахтиноведения, сильно отличается от его судеб в других странах; тем не менее имя Бахтина стало во Франции знаком философско-семиотической теории обращения культурного содержания в речь.

В своей книге Пейтар, в рамках деконструктивистского подхода предпринимает попытку «вписания» бахтинской научной теории в контекст современных французских «дискурсивных» практик. Рассматривая важнейшие бахтинские категории и темы («автор», «диалогизм и полифония», «дискурс романа», «хронотоп», «полифония Рабле», «текст и жанры речи»), французский исследователь стремится к тому, чтобы подчеркнуть глубокую цельность культурно-семиотической методологии Бахтина. Для этого Пейтар делает обзор бахтинских работ разных периодов и выявляет взаимосвязь между «Автором и героем» и «Поэтикой Достоевского», или между работами, подписанными Волошиновым и Медведевым, а также между этими последними текстами и «Проблемой содержания, материала и формы».

Далее Пейтар, используя бахтинскую терминологию, выстраивает собственный теоретический подход для наиболее адекватного понимания социалин-

гвистики высказывания. В последней части монографии французский исследователь показывает, какое влияние бахтинские идеи, прямо или косвенно, оказали на таких авторов, как Ж. Женетт, Л. Компаньон, Ю. Кристева, М. Риффатер, и др., отмечая, что «творчество М. Бахтина в 70-е и 80-е годы способствовало глубокому изменению общей картины научных изысканий. Понятия интертекстуальности, полифонии, анализ жанров, так же как и различных видов чужой речи (речи другого), для многих исследований, опубликованных во Франции в последней четверти века, имеют оперативное значение и силу»²².

В сборнике «Наследие Бахтина» (1997)²³ затрагиваются различные аспекты бахтинского наследия: народная культура, жанр, диалогизм, высказывание, роман; исторические и культурные основы методологии ученого (К. Депретто); а также изначальное философское направление, лежащее в основе его деятельности (М. Денн), проблемы рецепции работ Бахтина и его Круга (М. Дезер, С. Оливье).

К. Депретто, анализируя тему восприятия Бахтина во Франции, приходит к выводу, что она «нуждается в некоторых коррективах»²⁴, т.к. далеко не всегда прочтения работ мыслителя были адекватны: одни увидели в Бахтине марксиста, другие восприняли слишком буквально критику им формалистов и Соссюра, третьи считали Бахтина постформалистом, стремящимся «обойти» формалистов, как его интерпретировали французские структуралисты Кристева и Тодоров

Д. Рабате, во многом ориентирующийся на Тодорова и Дюкро, воспринял и интерпретировал бахтинскую диалогическую концепцию также весьма ограниченно - как «персоналистическую теорию голоса», увидел в ней лишь «микроротекстуальную пользу». Вслед за Рабате, лингвист и литературовед Э. Бордас также подвергает сомнению универсальность бахтинской теории *потифонического романа* в ее применении к роману XX в., опираясь на структуралистские изыскания Кристевой

М.-Ф. Нотц в статье «Читать Бахтина пост или карнавал?» (1997) приходит к выводу Бахтин не просто новаторски осмыслил карнавальную культуру, прочтение самой книги Бахтина это карнавал. Нотц справедливо отмечает, что с карнавальностью связана традиция «серьезно-смеховых» жанров, обладающая неистребимой живучестью и злободневностью.

В результате автор диссертации делает выводы о том, что рецепция научной теории Бахтина во Франции 1980-1990-х гг. значительно эволюционировала по сравнению со структуралистскими изысканиями 1960-х – 1970-х гг. Под очевидным влиянием тодоровской интерпретации текстов российского мыслителя появляются прагмалингвистические работы, использующие традиционные бахтинские понятия и интерпретирующие Бахтина как философа и психоаналитика, лингвистические исследования, написанные под очевидным влиянием бахтинской критики формализма и фрейдизма, а также семиотические изыска-

²² Peytard J. Mikhail Bakhtine. Dialogisme et analyse du discours. Paris. Bertrand-Lacoste 1995. P. 113

²³ L'heritage de Bakhtine. Bordeaux. Presses universitaires de Bordeaux. 1997

²⁴ Depretto C. Mikhail Bakhtine aujourd'hui / L. heritage de Bakhtine. Bordeaux. Presses universitaires de Bordeaux. 1997. P. 9-10

ния, содержащие собственные интерпретации бахтинского диалогизма, формальный и функциональный анализ высказывания, искажающий бахтинское его понимание (О. Дюкро, Ж.Отье-Ревю).

В начале 1990-х гг. наблюдается очевидный спад исследовательского интереса к бахтинской концепции, а единственным крупным исследованием середины десятилетия оказывается монография Ж. Пейтара, характеризующаяся деконструктивистским подходом.

В Заключении диссертации подводятся краткий итог исследования, излагаются основные выводы, заключающиеся в том, что работы М.М.Бахтина сыграли решающую роль в становлении и развитии новых методологий, методов и приемов; непосредственная опора французских ученых (философов, лингвистов, литературоведов) на бахтинские работы привела к расширению исследовательских возможностей и научного потенциала. Однако, в своих изысканиях исследователи творчества М.М.Бахтина не доходят до глубокой и достаточно адекватной интерпретации его концептов. В Заключении также намечаются перспективы дальнейшей разработки поставленных проблем

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Восприятие идей М.М. Бахтина во французском литературоведении второй половины 1960-х гг // XXXV Евсевьевские чтения: Материалы выступлений Саранск: Изд-во Мордов. гос. пед. ин-та. - 1999. - С 55-56.

2. Литературоведческая концепция М.М. Бахтина в интерпретации Цв Тодорова (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Кооперация на пороге XXI века: Сб. науч. статей проф.-препод. состава и аспирантов ун-та по итогам научно-исслед.работы за 1998 г.Ч. 6. – М.: Изд-во Москов унив-та потреб кооперации. 1999.- С 120-121

3. Бахтин и Кристева: начало долгого диалога // Филологические заметки.1999. Межвуз сб науч тр – Саранск: Изд-во Мордов гос пед ин-та, 1999.- С.51-54.

4. Бахтин глазами Кристевой. 30 лет спустя // Филологические заметки 2000. Межвуз сб науч тр Саранск: Изд-во Мордов. гос. пед. ин-та, 2001 - С.8-12.

5. Заметки о рецепции идей М.М. Бахтина во французском литературоведении 1990-х гг. // Филологические заметки.2001. Межвуз. сб науч. тр – Саранск: Изд-во Мордов гос. пед ин-та, 2001.- С.34-38.

6. Библиография исследований творчества М.М. Бахтина. 2 Иноязычные исследования // М.М Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М Бахтина в контексте мировой культуры.Том II. - СПб.: РХГИ, 2002. - С.603-658.

7. Рецепция научного наследия М.М. Бахтина французской гуманитарной мыслью первой половины 1990-х гг.// Глобальность развития и его детерминанты. Тез докл. и выступлений на науч -теорет. конф. Саранск: Изд-во Саран. кооп. ин-та ОУ МУПК, 2004 – С. 106-108.

Бумага офсетная Формат 60\84 1/16 Гарнитура Таймс
Печать способом ризографии Усл печ л 1.2 Уч - изд л 1.7
Тираж 100 экз Заказ № 188

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в копи-центре «Референт» ИП Тимошкина Л В
430000 г Саранск ул Полежаева, 49
тел (8342) 48-25-33

РНБ Русский фонд

2006-4

1988

■ - - 6 6 5